

16. Панов М. В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М., 1981. – С. 240-253.
17. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. – М., 1999. – 275 с.
18. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – 511 с.
19. Русская грамматика. В 2 т. Т. 1. – М., 1980. – 783 с.
20. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Ред. М. В. Панов. – М., 1968. – 367 с.
21. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. – М., 2003. – 704 с.
22. Современный русский язык: Учебник. / Под ред. В. А. Белошапковой. – М., 1981. – 560 с.
23. Толковый словарь русского языка к XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. – СПб., 1998. – 700 с.
24. Тукова Т. В. Растет ли аналитизм в морфологии? // X Междунар. конф. по функциональной лингвистике «Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации». Сб. науч. докл. Ялта. 29 сент. – 4 окт. 2003 г. – Симферополь, 2003. – С. 330-331.
25. Янко-Триницкая Н. А. Проблема номер один (Числительное в роли несогласованного определения) // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964. – С. 303-310.

Туманова А. Б.

О КАТЕГОРИИ «ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

1. Как известно, язык отражает объективно существующий мир – картину мира – знаковым образом.

В центре картины мира (КМ) находится индивид/субъект – языковая личность со своими мыслями, характером, уровнем интеллекта, образования, особенностями культуры, воспитания и др. Поэтому при анализе языковой личности становится необходимым обращение к создателю языка, носителю – к конкретной языковой личности, с особенностями ее социального, психологического, этнического и т. п. характера.

Целью данной статьи является определение статуса категории «языковой личности» в лингвистической науке и выделение наиболее важных ее сторон, рассмотрение которых необходимо в ходе анализа языковой картины мира.

Впервые обращение к языковой личности (ЯЛ) обнаруживается в трудах И. Вайсгербера, затем в исследованиях русских ученых: В. В. Виноградова (личность автора и личность персонажа), А. А. Леонтьева (говорящая личность). Разработка понятия 'языковой личности' и создание ее модели принадлежит Г. И. Богину, который рассматривает человека с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Г. И. Богин, 1985]. Однако его модель построена на основе дидактического подхода, учитывающего познавательную деятельность человека обучаемого. Отсюда его модель вся насквозь герменевтична, поскольку углубляется в область познания и понимания производимых языковой личностью текстов. Иной ракурс интерпретации ЯЛ задан в русистике трудами Ю. Н. Караулова, определяющего языковую личность как человека, обладающего способностью создавать и воспринимать тексты, которые могут отличаться целевой направленностью, уровнем структурно-языковой сложности, глубиной отражения действительности. По мнению Ю. Н. Караулова, языковая личность имеет три структурных уровня: 1) вербально-семантический (отражение степени владения бытовым языком); 2) когнитивный уровень (отражение ее тезауруса, культуры); 3) прагматический уровень (связь с мотивами и целями, движущими развитием ЯЛ) [Ю. Н. Караулов, 1987].

По этому поводу В. А. Маслова совершенно справедливо, на наш взгляд, оценивает многоуровневую модель языковой личности как отражающую обобщенный тип личности. Конкретных же языковых личностей в данной культуре может быть множество, они отличаются вариациями значимости каждого уровня в составе личности. Исходя из этого, исследователь приводит следующее определение: «языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей. При этом речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения» [В. А. Маслова, 2001; 119].

В современной лингвистической науке существуют разные подходы к описанию ЯЛ: русская языковая личность [Караулов Ю. Н., 1987], языковая личность западной и восточной культур [Снитко Т. Н., 1999], словарная языковая личность [Карасик В. И., 2000], этносемантическая языковая личность [Воркачев С. Г., 2001], эпистолярная (конкретная, реальная) языковая личность [Гайнуллина Н. И., 2002] и др.

По мнению Н. И. Гайнуллиной, языковую личность в прошлом «можно восстановить и изучить только через такие семиотические построения, запечатлевшие языковую личность, как письменные тексты, в которых отразилась речевая деятельность человека в прошлом», собранных за длительный промежуток времени. Ею предложено такой набор текстов, принадлежащих конкретной исторической личности, называть дискурсом [Н. И. Гайнуллина, 2002; 12]. В этой связи ученый вполне справедливо предлагает «различать реальную языковую личность и языковую личность художника слова – писателя, поэта, который реализует в своем творчестве художественную языковую личность» [там же].

В науке установлено, что каждая языковая личность начинается с когнитивного (когнитивно-семантического) и прагматического уровней, где проявляется ее индивидуальность, неповторимость. Так, Н. И. Гайнуллина утверждает, что в дискурсе конкретной языковой личности в действие вступают законы построения текста, законы сочетаемости слов и т. п., которые на синтагматическом уровне (тексты) позволяют говорить о семантике того или иного слова и тех представлениях и целях, которые преследовал таким использованием слов создатель текста (уровень знания, лингвокогнитивный уровень). Ассоциации парадигматического характера, которыми обладают потенциально все слова того или иного языка, оказываются нарушенными инициативой самой языковой личности переключаться в область субъективного, асистемного. В таких случаях проявляется уникальность, экспрессивность дискурса, в котором отображается индивидуальная картина мира пишущего/ говорящего, субъективное мировидение [Н. И. Гайнуллина, 2002; 14]. Несомненно, языковая личность оказывает существенное влияние на выбор формы речи, на подбор языковых средств, что, безусловно, мотивировано особенностями культурно-исторической обстановки, в которой ЯЛ создавала свой дискурс, «упакованный» в тексты.

В связи с этим в плане содержания ЯЛ можно отметить следующие компоненты: 1) мировоззренческий (ценностный) компонент (образование языкового образа мира и системы духовных представлений, формирующих национальный характер); 2) культурологический компонент (формирование навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации); 3) личностный компонент (наличие глубинного, индивидуального). Анализ подобных параметров ЯЛ позволит определить уровень ее образованности, социальное положение или окружение, тип характера и т. п.

В сознании и мышлении каждого отдельно взятого человека выражаются разные типы языковой картины мира: от самой примитивной до более сложной. Примитивная картина мира создается лексикой того или иного языка. При наличии известных обозначений для той или иной реалии человек легко соотносит реальный мир с миром своих концептов. Иными словами, образ мира, который создается в той или иной области человеческой деятельности, предстает как результат отражения реальности через определенную призму индивидуального мировидения; посредством особого угла зрения и отражается реальный мир объективно или субъективно.

2. Объективно отражающая действительность языковая картина мира (ЯКМ) рассматривается как важная составная часть общей концептуальной модели мира в голове человека в виде системы представлений о действительности. Данная картина мира интегрируется в особое целое и помогает индивиду/субъекту в процессе восприятия и познания окружающего мира. Так, в сознании или интеллекте языковой личности существует своеобразный ментальный уровень мыслительной деятельности, в которой человек (в отношении с природой и людьми, в различного типа ситуациях) использует различные концептуальные представления, установки, образуя концептосферу. А поскольку установки и представления могут быть типичными или индивидуально значимыми, то и концептосферы соответственно типу ЯЛ можно квалифицировать как универсальные и субъективные.

Концептосфера же в целом – это область мыслительных образов, единиц универсального предметного кода, представляющих собой структурированное знание людей, их информационную базу, а семантическое пространство языка – часть концептосферы, получившая выражение в системе языковых знаков. В качестве примера анализа языковых средств, характерных для почерка Петра I в его эпистолярной, можно сослаться на примеры использования им в своей речи метафор (общезыковых, окказиональных), каламбура, пословиц и поговорок [см. монографию: Гайнуллина Н. И., 2002]. Это определяет тезаурусный уровень рассматриваемой языковой личности, объясняет ее индивидуально-авторский выбор языковых единиц, при помощи которых отражаются ее знания о мире, об окружающей действительности. Данный уровень ЯЛ позволяет также объяснить возможности варьирования того, что есть в языке, адекватно периоду развития языка, моменту создания дискурса. Поэтому при анализе ЯЛ обязательно следует учитывать синхронный или диахронический аспект исследования конкретного объекта изучения.

3. В период активного билингвизма наблюдалось усвоение национальной языковой картины мира двух народов – русского и родного, что привело к формированию билингвальной языковой личности, которая усвоила языки соответственно с культурой народов – носителей этих языков.

Русский язык был и остается языком межнационального общения на территории бывшего Советского Союза, в государствах содружества. За длительный период функционирования в качестве официального языка русский язык приобрел прочный статус и непоколебимый авторитет среди жителей постсоветского пространства. Для представителей многих народов и национальностей он стал вторым родным языком, языком-проводником знаний, информации, языком самосознания и т.д. Поэтому не удивительно он выразительно, ярко, образно звучит в устах не только русского человека, русской языковой личности, а и национальной (нерусской) ЯЛ.

Посредством русской ЯЛ выражается русский характер, менталитет, все характерное для русского человека в русскоязычном обществе на русской территории. То же самое происходит при рассмотрении любой другой, например, казахской ЯЛ. Однако, что же происходит при создании художественного дискурса писателем-билингвом, пишущем на русском языке о казахском человеке, о его характере и менталитете и т. д. на казахском пространстве? Вполне понятно, что для обеспечения объективной картины, создания реальной языковой модели писатель вводит реалии (с пояснениями в сносках и без них, или в контексте авторского повествования), характерные для казахского языка, так называемые казахизмы (аул, джигит, жайлау, юрта и т.п.).

Если же рассмотреть художественный дискурс любого казахстанского русского писателя [Симашко М., Щеголихин И. и др.], то мы видим, что там с таким же успехом используются те же казахизмы для создания реальной картины мира казахского народа в различные описываемые периоды его жизни.

Анализ фактического материала позволил нам сделать следующий вывод: в связи с длительным временем контактирования русского и казахского народов, а вместе с тем и русского и казахского языков наблюдается своеобразный процесс – конвергенция. В результате данного процесса при условии тесного сосуществования и взаимовлияния названных языков возникает языковая картина мира не русская национальная и не казахская национальная, а некая контаминированная языковая картина мира (рассмотрение которой выходит за рамки данной статьи). Так, в задачи дальнейшего нашего исследования входит изучение специфики языкового выражения билингвальной личности, отбора и сочетаемости ею различных языковых средств; анализ способов выражения индивидуально-авторского мировидения, особенностей его мировоззрения, менталитета и др.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что категория «языковой личности» сложная и многоаспектная, изучению которой обращаются все исследователи языка. Будучи стержневой составляющей в языковой картине мира, языковая личность играет решающую роль в формировании и отражении реальной действительности особым способом с позиций субъективной модальности, на что необходимо уделять серьезное внимание при любом филологическом исследовании.

Использованная литература

1. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. Дис. ... докт. филол. наук. – Калинин, 1985.
2. Гайнуллина Н. И. Языковая личность Петра Великого. – Алматы, 2002.

3. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // ФН. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
4. Карасик В. И. О типах дискурса. /Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология. Учебное пособие. – М., 2001.
7. Снитко Т. Н. Предельные понятия в западной и восточной институциональных лингвокультурах. Пятигорск, 1999.

Ус Ю. М.

ФУНКЦИОНАЛЬНИЙ АНАЛІЗ ПРИКМЕТНИКІВ-КОЛЬОРОПОЗНАЧЕНЬ У НІМЕЦЬКИХ НАРОДНИХ ПІСНЯХ ХІХ СТОЛІТТЯ ПРО КОХАННЯ

1. Вступні зауваги. Статтю присвячено розгляду прикметників на позначення кольору. Аналізовані лексеми дібрані з 84 німецьких народних пісень ХІХ століття про кохання.

Незважаючи на наявність праць, у яких порушується проблема семантичного аналізу кольоропозначень німецької мови та особливостей їхнього функціонування у художніх творах німецькомовних авторів ХХ ст. [5], [6], [7], можна стверджувати, що системне дослідження системи кольоропозначень у поетичних німецькомовних творах, датованих ХІХ ст., все ж відсутнє. Ці причини спонукали до розгляду лексики на позначення кольору на прикладі репрезентативного корпусу народних пісень.

Отже, до дослідницьких завдань у статті належить вивчення семантики та функціонування прикметників-кольоропозначень, визначення тенденцій розподілу та синтагматичних зв'язків аналізованих лексем у піснях ХІХ ст. про кохання.

2. Лексемний склад та частотність. У корпусі народних пісень ХІХ ст. про кохання зафіксовано 19 прикметників (115 прикладів) на позначення кольору. Вони репрезентують прості (кореневі) лексеми *blau, blond, braun, bunt, dunkel, gelb, grün, hell, licht, rot, schwarz, trübe, weiß*; складні прикметники *blutigrot, rosenrot, schwarzbraun, stockfinster*, а також суфіксальні слова на *-ig (rosig)*, та *-en (golden)*.

Сім лексем з корпусу народних пісень ХІХ ст. – *blau, braun, gelb, grün, rot, schwarz, weiß* – належать до основних кольорів; 6 прикметників (*dunkel, golden, hell, licht, stockfinster, trübe*) уживаються на позначення світла, блиску. Найширшу гаму репрезентують відтінки червоного кольору: *blutigrot, rosenrot, rosig*, в одному випадку ідеться про суміш коричневого з чорним (*schwarzbraun*). Прикметник *blond* передає винятково колір волосся людини, натомість *bunt* не пов'язане з конкретною колірною ознакою.

Серед основних кольоропозначень найбільш частотними виявляються *grün* (24)*, *rot* (18), *schwarz* (14) та *weiß* (12) (*Тут і надалі у круглих дужках зазначено кількість прикладів, якщо їх більше ніж один). Окрім того, палітру червоного доповнюють поодинокі випадки уживання складних прикметників *blutigrot, rosenrot*. Прикметники *braun* (3), *blau* (2), *gelb* позначають колір предметів, що не відіграють значної ролі у досліджуваному жанрі пісень, на відміну від відтінку коричневого кольору *schwarzbraun* (14 слововживань). Слід також відзначити, що кольоропозначення *grau* у дослідницькому корпусі не експлікується взагалі.

Прикметники на позначення світла та темряви розподіляються за частотою уживання наступним чином: *hell* (8), *dunkel* (2), *golden* (2), *trübe* (2), *licht, stockfinster*. Статистична перевага в цій групі належить лексемі *hell*, синонімом до неї виступає *licht*, а антонімами – *dunkel, trübe, stockfinster*.

Кольоропозначення *bunt* у піснях про кохання має 7 експлікацій, проте *blond* зафіксовано одноразово.

3. Особливості функціонування

3.1. Як зазначено вище, для пісень про кохання досліджуваного періоду властиві 7 основних прикметників-кольоропозначень.

3.1.1. Найбільшу питому вагу в корпусі має прикметник *grün*. Він виявляє найтісніший зв'язок з підкласом «флора», а саме: *Au, Aste, Baum, Bäumlein, Eiche, Gras, Klee, Kraut, Tal, Wald, Wasen*: словосполучення *grüner Wald* трапляється тричі; *grüner Klee* – 2 рази. Інші слова-модифікатори зафіксовані у поодиноких випадках.

В одній з пісень *grüner Wald* 'зелений ліс' – місце випадкової зустрічі з гарною дівчиною, напр.: *Ich reut mir aus kurtzweilz für einen grünen wald, was begegnet mir in der awe, eine wunderschöne jungfrawe...* [1, с. 338].

Окрім того, ліс – це природне середовище тварин та птахів. Так, у збірці народних пісень «*Kuckucks Liebesleben*» [1, с. 413-416], *grün* представлено у двох варіантах однієї пісні: у першому з них, написаному стандартною мовою, *grün* наведено тричі у поєднанні з іменниками *Au* (*Den Winter bin ich in dem Wald, den Sommer auf grüner Auen*), *Tal* та *Wasen* (*Wenn meine Schäflein auf der Heid' in grünen Tälern grasen, so hab'ich meine Lust und Freud', setz' mich auf grünen Wasen*).

Інший варіант цієї пісні має діалектальне забарвлення (вона записана у містечку Бад Кляйнкірхгайм (Корінтія, Австрія)). В цьому варіанті замість *Au, Tal, Wasen*, що трапляються у першому з них, двічі уживається лише *grüner Wald*, проте *Au* трапляється як іменник без означення: *In Wintr g'fällt mi's in greanen Wold, in Sommer auf die Auen... und balz wohl in den greanen Wald...* [1, с. 416].

У піснях про кохання прикметник *grün* стає означенням до лексем з підкласу «людина». Зі збірки «*Blumen und Farben*» дібрана пісня, в якій оспівуються чотири професії (види діяльності) (*Jäger, Schornsteinfeger, Bäcker, Lumpensammler*) та чотири кольори (*grün, schwarz, weiß, bunt*), що асоціюються з ними. У першій строфі 7 разів повторюється лексема *grün*, що має відношення до іменника *Kleider* та займенника *alles*. Контекстуально ці модифікатори належать назви чоловіка за професією – *Jäger*. Зелений колір як символ природи та, відповідно, парубка-мисливця, приваблює у всіх його проявах дівчину: *Grün, grün, grün sind alle meine Kleider, / grün, grün, grün ist alles was ich hab' / Darum lieb' ich alles, was so grün ist, / weil mein Schatz, ein Jäger, Jäger ist* [1, с. 367]. Значущість кольоропозначення *grün* підкреслено на стилістичному рівні: позитивний ефект досягається завдяки контактному повтору *grün* і анафорі за участю аналізованого прикметника. Займенник *alles* виконує роль гіперболи з метою підсилення виразу прихильності як до кольору, так і до коханого.

3.1.2. Питома вага прикметника *rot* та його відтінків *blutigrot, rosenrot, rosig* у піснях про кохання